

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К изучению языка «Слова о законе и благодати»

«Слово о законе и благодати», с полным основанием приписываемое митрополиту Илариону, известному церковно-политическому деятелю Киевской Руси, жившему в середине XI в., справедливо признается одним из ценнейших произведений древнерусской литературы в начальный период ее развития. Это выдающийся памятник искусства слова, свидетельствующий как о большом мастерстве его создателя, так и о высоком уровне речевой культуры Руси в ту эпоху, когда произведение было написано. Язык «Слова», хотя и дошедшего до нас в относительно поздних списках, не восходящих ко времени ранее рубежа XIII—XIV столетий, несомненно заслуживает глубочайшего изучения. Между тем до сих пор «Слово о законе и благодати» не подвергалось, к сожалению, специальному историко-языковому исследованию.

Немногочисленные отдельные замечания по поводу языка «Слова» в популярных трудах и пособиях носят общий и поверхностный характер. В большинстве случаев эти высказывания отражают традиционную теорию сложения древнерусского литературного языка. Так, Г. О. Винокур в своем очерке «Русский язык» (1945 г.) характеризовал язык «Слова о законе и благодати» как старославянский. Он писал: «Старославянский язык Илариона, насколько можно судить по поздним спискам, в которых сохранилось его „Слово“ (основная редакция его известна лишь в списке XVI в.), безупречен».¹ Далее приводится отрывок из текста «Слова», долженствующий подтвердить высказанное мнение.

Вслед за Г. О. Винокуром подобную же характеристику языка «Слова о законе и благодати» повторил В. Д. Левин в своем «Кратком очерке истории русского литературного языка» (изд. 1-е — в 1958 г.; изд. 2-е — в 1964 г.). Этот ученый полагает, что картина языковых особенностей «Слова», как и произведений Кирилла Туровского и Феодосия Печерского, «вполне типична и для других памятников церковно-книжного стиля русского литературного языка». Хотя тут же В. Д. Левин оговаривается, что в языке этих произведений могут встречаться русизмы, называемые им «невольными» или «случайными».²

Л. П. Якубинский уделил в своей книге «История древнерусского языка» (посмертное издание)³ специальную главу «Слову о законе и благодати», которая, впрочем, содержит преимущественно общеисторические сведения о жизни и деятельности Илариона как первого из русских, воз-

¹ Г. О. Винокур. Русский язык. — В кн.: Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 45.

² В. Д. Левин. Краткий очерк истории русского литературного языка. Изд. 2-е. М., 1964, с. 39—40.

³ Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

веденного на митрополичий стол в Киеве. Этот раздел в книге Л. П. Якубинского призван проиллюстрировать и подтвердить развиваемое им положение о том, что якобы до второй половины XI в. старославянский язык был единственным официальным государственным языком в Киевском государстве. Но никаких прямых доказательств этого положения, которые извлекались бы из конкретного анализа памятника, в данной главе не содержится.⁴

Л. П. Якубинский считал язык Илариона «свободным. . . от древнерусских элементов (поскольку об этом можно судить по сравнительно поздним копиям его «Слова»)». Это обстоятельство дало основание Л. П. Якубинскому утверждать, что «Иларион ясно отличал. . . свой разговорный язык от литературного церковнославянского языка».⁵

Особую позицию в освещении вопроса о языке произведений Илариона заняли составители учебника по истории русского литературного языка, изданного во Львове в 1957 г., — В. В. Бродская и С. О. Цаленчук. Названные авторы признают язык Илариона отражающим восточнославянскую речевую основу, находят в «Слове о законе и благодати» следы знакомства Илариона с древнерусскими юридическими памятниками, такими, как «Русская Правда», а к числу якобы восточнославянской лексики, встречающейся в произведениях Илариона, относят, например, слова «девица» и «сноха».⁶

Одной из причин того, что по поводу языка «Слова о законе и благодати» появились столь противоположные и безосновательные высказывания, послужило то обстоятельство, что ученые не обращались к рукописным материалам и судили о языке памятника лишь по далеко не совершенным в текстологическом отношении изданиям.

«Слово о законе и благодати» впервые было издано в 1844 г. А. В. Горским по единственному сохранившемуся полному списку первой редакции памятника (Синод., № 591).⁷ Издание это послужило исследователям, высказывавшим свои суждения о языке памятника; им же воспользовался в своей монографии, опубликованной в Висбадене в 1962 г., и славист ФРГ Лудольф Мюллер.⁸

Как было недавно показано Н. Н. Розовым, издание «Слова о законе и благодати», подготовленное А. В. Горским, лишено необходимой точности в лингвистическом отношении. Очевидно, А. В. Горский, печатая свой труд в церковном издании, был вынужден идти навстречу желаниям синодальных властей и поэтому приспособлял язык памятника к тому стандарту церковнославянского языка, который был принят церковной практикой XIX в. и преподавался в духовных академиях и семинариях.⁹ Изучая язык «Слова о законе и благодати», нельзя опираться на несовершенные в текстологическом отношении издания. Необходимо обратиться к рукописям памятника, прежде всего к наиболее древним и полным в смысле состава текста.

⁴ Там же, с. 95—99.

⁵ Там же, с. 95.

⁶ В. В. Бродская, С. О. Цаленчук. История русского литературного языка. Ч. I. X—XVIII вв. Львов, 1957, с. 39—42.

⁷ Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. (Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе), ч. 2. М., 1844.

⁸ Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis nach der Erstaussgabe von 1844, neu herausgegeben und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962. Это издание далее сокращенно обозначается нами — М, указываются страница и строка.

⁹ Н. Н. Розов. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. (Издание А. В. Горским «Слова о законе и благодати»). — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Л., 1969, с. 270—278.

Старшим по времени из числа дошедших до нас рукописей «Слова о законе и благодати» является список так называемых «Финляндских отрывков», правда сохранившийся лишь в относительно небольшом отрывке. Этот фрагмент, состоящий из одного листа, записанного в два столбца с обеих сторон, по 33 строки в каждом столбце, содержит центральную часть произведения. Рукопись хранится в БАН под шифром «Финл. № 37».¹⁰

Текст отрывка, на который впервые было обращено внимание И. И. Срезневским¹¹ в 1869 г., в 1906 г. был полностью опубликован Ф. И. Покровским.¹² Оба ученых датировали рукопись временем XII—XIII вв. Более пристальное палеографическое изучение списка, произведенное недавно О. П. Лихачевой, показало, однако, что рукопись по многим признакам сближается с новгородскими памятниками письма, восходящими к концу XIII в., и поэтому точнее будет ее датировать временем последней четверти XIII столетия.¹³ Тем не менее, при всех условиях, показания данного списка должны быть признаны особенно ценными при восстановлении первоначальной языковой основы памятника, поскольку список со всей несомненностью восходит к эпохе до второго южнославянского влияния на русский литературный язык и поэтому свободен от искусственной славянизации, отраженной в позднейших списках.

Текстуальное сопоставление списка Ф с изданием Горского показывает, что в большинстве случаев Ф сохраняет более достоверные и несомненно более первоначальные в отношении языка чтения.

Прежде всего отметим весьма существенное различие. В Ф говорится о том, как оценивали иудеи деятельность Иисуса Христа, и сказано: *они же нарекоша и льстьца. и от блюда рожена. и о Вельзаулѣ бѣсы изгоняща* (Ф, 2, 28—30). В рукописи Синод., № 591, по которой издавал текст памятника Горский, слова *и от блюда рожена* выскоблены, и издатель восполнил их в своем тексте по другому списку (ГИМ, собр. Уварова, № 1772). По названному списку текст «Слова» был в 1848 г. опубликован О. М. Бодянским, отнесшим свою рукопись к XIV столетию.¹⁴

Наличием данного места в древнейшем списке «Слова о законе и благодати» подтверждается его аутентичность и принадлежность к древнейшему языковому пласту памятника. Само же наличие таких слов не может быть объяснено параллелями с Новым заветом или с патристической письменностью, как это бывает в других случаях в текстологии «Слова», насыщенного цитатами. Мюллер, признавший невозможным, что Иларион сам мог бы слышать подобные высказывания в отношении Христа от кого-либо из своих современников-иудеев, считал наиболее вероятным, что Иларион заимствовал цитату из греческого текста произведений Ефрема Сирина.¹⁵

Как нам кажется, утверждение Мюллера не имеет под собой достаточных оснований, и нет причин сомневаться в том, что сам автор «Слова»

¹⁰ Текст списка далее будет обозначаться сокращенно: Ф, цифра, обозначающая столбец, и цифра, обозначающая строку.

¹¹ И. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, № 41. — Записки Академии наук, т. XXVIII, кн. I. СПб., с. 1—38.

¹² Ф. И. Покровский. Отрывок Слова митрополита Илариона «О законе и благодати» в списке XII—XIII вв. — ИОРЯС, т. XI, 1906, кн. 3, с. 412—417.

¹³ О. П. Лихачева. Палеографическое описание сборника поучений XIII века (РО БАН СССР, Финл. собр., № 38). Машинопись.

¹⁴ О. М. Бодянский. Славянорусские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского. — ЧОИДР, 1848, т. III, вып. 7, с. 21—41.

¹⁵ М., с. 155.

мог непосредственно полемизировать с иудеями-талмудистами, жившими в Киевской Руси в его время.

Со стороны грамматики список *Ф* показывает, как и следовало ожидать, бóльшую архаичность в употреблении словоформ, чем другие списки этого памятника. Так, если в позднейших текстах формы супина обычно уже заменены аналогичными формами инфинитива, то в *Ф* систематически выдерживается употребление супина в функции обстоятельства цели при глаголах передвижения: *Приде на землю посѣтитъ их* (*Ф*, 3, 21—22); *не придохъ разоритъ закона, къ исполнитъ* (*Ф*, 2, 19—21).

Весьма показательным кажется нам наличие в списке *Ф* лексики с полногласными сочетаниями. Так, в *Ф*, 4, 20—21 читаем: *пришедше бо римляне. полониша Иер^слмъ*. Во всех остальных списках и изданиях на месте данного глагола неполногласный его вариант *плѣниша*.

Характерна также мена гласного *a* на *o* в корне слова *заря*. *Ф*, 4, 24—25: *и законъ по семь, яко веч(е)рняя зоря погасе*. В остальных списках и изданиях — *заря* или *зарѣ*.

Поскольку список *Ф*, без сомнения, переписывался на территории древней Новгородской земли, отметим в нем яркий фонетический новгородизм: *къ овцамъ погыбшимъ* (*Ф*, 2, 18). В остальных списках закономерно: *къ овцамъ*.

Таким образом, привлечение данных этого древнейшего списка «Слова», несмотря на его отрывочность, позволяет все же в какой-то степени уточнить наши представления о первоначальной языковой основе памятника.

Обратимся к сопоставлению текста «Слова о законе и благодати» по изданиям Горского и Мюллера с текстом списка Синод., № 591.¹⁶ Названный список с большой точностью опубликован Н. Н. Розовым в 1963 г.¹⁷ Следует подчеркнуть также, что Н. Н. Розову, благодаря тщательно произведенному палеографическому анализу рукописи, удалось на основании бумажных филиграней уточнить датировку этого единственного полного списка полной редакции «Слова». Список *С* следует относить не к XVI в., как это было принято до сих пор, а к XV.¹⁸ Таким образом, самый ценный в текстологическом отношении список «Слова» оказывается на целое столетие более древним, что во много раз увеличивает авторитетность его языковых показаний.

Отметим, что список *С* бесспорно представляет текст памятника, подвергшийся уже второму южнославянскому влиянию. Об этом свидетельствует систематическое наличие в нем буквы «юс большой» в соответствии с буквенным сочетанием *ou*, а также написания йотированного *a* без йотации: например, *от всякоа рати и плѣненіа* (*С*, 194б, 19). Приведем еще сугубо славянизирующее написание: *не въздѣваемъ бо рукъ нашихъ къ бѣж тжѣму* (*С*, 198а, 4—5).

Очевидно, под воздействием того же второго южнославянского влияния форма *полониша*, которую мы отметили в тексте *Ф*, заменена в списке *С* обычной церковнославянской — *плѣниша* (*С*, 179а, 18). Однако тем показательнее для древнейшей языковой основы памятника, сохраненной вопреки славянизирующей моде в тексте *С*, такая его черта, как написание с полногласием имени киевского князя, которому посвящается произведение: *похвалим же и мы, по силѣ нашей, малыми похвалами. великая и диеннаа стѣворишаго нашего учителя и наставника великаго кагана нашеа*

¹⁶ Далее список Синод., № 591, обозначается нами сокращенно: *С*, лист, строка.

¹⁷ Н. Н. Розов. Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *Slavia*, гоѣ. XXXII, 1963, сеѣ. 2, с. 141—155.

¹⁸ Там же, с. 144, прим. 15. Анализ филиграней *С* был произведен М. В. Щепкиной и В. С. Голышенко.

земли Володимера (С, 1846, 12—18). В изданиях Горского и Мюллера в данном месте тоже обычная церковнославянская форма имени — *Владимера* (М, 38, 11—12). Нет сомнения, что именно написание этого имени с полногласием стояло в протографе «Слова»; это тем более очевидно, что в С, несколько ниже, сохранилось другое своеобразное написание того же имени с гласным *о* после *л* в первом корне: *благороденъ отъ благородныхъ, каганъ нашъ Владимиръ* (С, 185а, 9—10). Ср. с этим подобное же написание, с явными следами недавнего полногласия: *соуцаа въ работѣ. въ плоненіи* (С, 199а, 7—8). В изданиях в обоих случаях вместо этих написаний обычные неполногласные: *Владимеръ* (М, 38, 20), *въ плѣненіи* (М, 51, 15—16).

Типичны для словоупотребления в нашем памятнике такие лексемы, как *котора* (в значении «спор», «ссора») и *робичичь* («сын раба»: *и бываахъ между ими многи распрѣ и которы* (С, 1726, 3—4); *и бывааху между ими распрѣ многи и которы* (М, 26, 21—22)). Слово *котора*, изредка встречающееся в собственно старославянских памятниках, как Супрасльский сборник,¹⁹ вполне обычно для древнерусской письменности старшей поры.²⁰

Существительное *робичичь* фигурирует в тексте «Слова о законе и благодати» в разнообразных написаниях: *роди же агарь раба. отъ авраама раба робичишть* (С, 1706, 19—20); *насиловаахъ на хртіанья. робичишти на сыны свободаа* (С, 1726, 1—3); *роди же Агарь раба отъ Авраама робичищъ* (М, 25, 7); *насиловаху на христіанья, робичичи на сыны свободныа* (М, 26, 20—21). Характерно, что даже в изданиях Горского и Мюллера сохранены восточнославянские варианты этого слова. Сама же лексема весьма типична для восточнославянского речевого употребления.²¹

Отметим своеобразную семантику слова *зоря* («заря»). В то время как в старославянских памятниках этому слову присуще значение «сияние», «свет», «проблеск», а также «деница»,²² в «Слове о законе и благодати», как свидетельствует пример на с. 234, значение этого существительного совпадает с современным русским — «яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца». Ср.: *и законъ, яко вечернѣи зарѣ, погасе* (С, 179а, 19—20); *и законъ посемъ, яко вечерняя заря, погасе* (М, 33, 4—5).

Для морфологии списка С характерно систематическое использование восточнославянской флексии *-ѣ* в род. пад. ед. ч., в именит./винит. пад. мн. ч. склонения на *-ја* и винит. пад. мн. ч. склонения на *-јо*: *отъ дѣвицѣ* (С, 176а, 15), *отъ троицѣ* (С, 176а, 19), *п'теньцѣ* (С, 179а, 12), *за овцѣ* (С, 195б, II), *жены и младенцѣ спси* (С, 199а, 6) и др. Естественно, что в изданиях все подобные флексии заменяются обычно церковнославянскими: *-я*, *-а*; впрочем, см. *младенцѣ* в М, 51, 15.

Не менее типичны для текста С и флексии местоимения ж. р. в род. пад.: *отъ неѣ* (С, 170б, 10), *къ рабѣ еѣ* (С, 170б, 16). В изданиях эти флексии заменены на церковнославянские *отъ нея* (М, 25, 1), *къ рабѣ ея* (М, 25, 5).

Сохранение восточнославянских флексий в списке С вопреки воздействию второго южнославянского влияния дает нам основание отнести написание подобного рода к протографу «Слова о законе и благодати». Подобного рода флексии в изобилии представлены, например, в таком восточнославянском памятнике письменности XI в., как «Изборник 1076 г.». Там мы находим: *вельможѣ, срачицѣ, ларѣ* (многократно) и др.²³

¹⁹ Slovník jazyka staroslovenskeho, seš. 15. Praha, 1967, s. 56.

²⁰ Срезневский. Материалы, т. I, стлб. 1300.

²¹ См.: Срезневский. Материалы, т. III, стлб. 2.

²² Словарь старославянского языка, вып. 12. Прага, 1966, с. 657.

²³ Изборник 1076 года. М., 1965, л. 271 об., строка 11; л. 271, строка 7; л. 272 об., строка 8; л. 274, строки 5, 7; л. 272 об., строка 4, и др.

Рассматривая употребление восточнославянской флексии -ѣ в тексте *С*, следует внимательнее остановиться на характерном случае словоформы *распрѣ*, которая вызывала в литературе разноречивые толкования. Так, если в *С* мы читаем: *бываахъ между ими многы распрѣ и которы* (*С*, 172б, 3—4), то в *М* соответственно: *и бывааху между ими распрѣ многы и которы* (*М*, 2б, 21—22). Мюллер комментирует данное место следующим образом: «Ошибка; писец воспринимал „распрѣ“ как форму единств. числа и должен был поэтому отнести слово „многы“ к „которы“. Распрѣ, однако, — это все же множ. число = древнеславянское „распра“», которое в русском изводе церковнославянского языка дает „распрѣ“». ²⁴ Все рассуждения по данному поводу для Мюллера явились бы излишними, если бы он имел возможность обратиться непосредственно к рукописи *С*, минуя издание Горского!

Восточнославянизмами, характерными именно для памятников XI в., мы можем признать неоднократно встречающиеся в тексте *С* примеры отсутствия второй палатализации *к* перед *ѣ* в дат./местн. пад. ед. ч. ж. р. существительных и прилагательных. Так, мы читаем в рукописи: *не въ хждѣ бо и невѣдомѣ земли владычствовавша. нѣ въ ржсъѣ* (*С*, 185а, 4—5), и далее: *паче же слышано емж бѣ всегда ѿ благовѣрнѣи земли гречьскѣ* (*С*, 185б, 11). В изданиях это несоответствие нормам церковнославянского стандарта устранено, и мы читаем: *но въ Русской* (*М*, 38, 17) *и о благовѣрнѣи земли Гречьстѣи* (*М*, 39, 4). Однако в дальнейшем текст *С* содержит и такое характерное написание, как: *владыкѣ наши огрози странамѣ*. И это отступление от стандарта удержалось даже в изданиях: *Владыкѣ наши огрози странамѣ* (*М*, 51, 12). Мюллер считает *ѣ* после *к* явной опиской, — вместо *ы*. ²⁵ Он обращает внимание также на чрезвычайную редкость употребления титула «владыка» по отношению к русским князьям.

Особенного внимания заслуживает, по нашему мнению, несколько загадочное начертание слова *кжшка* в тексте *С*. Вместо обычного церковнославянского существительного *куща* мы читаем: *сѣдацъ емж прѣд дверьми кжшкѣ его въ полудне* (*С*, 171а, 4—5). В изданиях указанное нарушение стандарта устранено: *сѣдѣцу ему предѣ дверьми куща своеа, въ полудне* (*М*, 25, 12).

Все эти написания текста *С*, как нам кажется, могли бы восходить к его протографу IX в. или по крайней мере к одному из древнейших промежуточных списков полной редакции памятника.

Таковы пока еще отрывочные наблюдения над языком рукописей «Слова о законе и благодати», которые должны быть уточнены и продолжены в связи с дальнейшим углубленным текстологическим изучением памятника по всем спискам, плодотворно начатым Н. Н. Розовым.

Однако уже и сейчас можно было бы сделать отдельные предварительные выводы. Во-первых, изучение «Слова о законе и благодати» и его языка должно происходить не по несовершенным его изданиям, а непосредственно по рукописям, пока отсутствует достоверное критическое издание текста. Во-вторых, уже выборочное привлечение данных языка рукописей обязывает нас отказаться от поверхностного и предвзято составленного представления о нем как о «безупречно старославянском».

Несомненно, в языке «Слова» старославянизмам принадлежит видное место, они несут существенную стилистическую функцию. Не случайно сам автор этого произведения обращается к своим слушателям как к знаатокам и ценителям книжного красноречия: *не къ невѣдѣщимъ бо пишемъ. нѣ прѣблиха насытитъ емѣ сладости книжныа* (*С*, 169б, 18—19). И сам

²⁴ *М*, с. 68, прим.

²⁵ *М*, с. 139.

оратор «преизлиха насытил» свое «Слово» выдержками из древнеславянских церковных книг: цитаты из книг Ветхого и Нового завета, из произведений патристики и гимнологии находятся буквально в каждой строке памятника. Однако и отдельные яркие восточнославянские элементы, характеризующие живую речь автора, даже и по сравнительно поздним спискам «Слова», достаточно устойчивы и ощутимы. Эти восточнославянские элементы в языке произведений Илариона не могут быть признаны, по нашему убеждению, ни невольными, ни случайными. Они не случайны для словоупотребления Илариона как сына своего народа и своего времени и не невольны, поскольку каждому из таких употребленных им восточнославянских элементов языка присуща своя незаменимая и неотъемлемая смысловая и стилистическая функция, пусть в церковнокнижном стиле, но в стиле языка славянорусского, смешанного по своей сущности и происхождению литературно-письменного языка Киевской Руси.